

М. А. Волхонский

**История Лазаревского института
в первой половине XIX в.
в контексте политики Российской империи
в Закавказье: «Заведение, где будут изучать восточные языки
в обширном размере»**

Михаил Алексеевич Волхонский, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

***Аннотация.** В статье освещается история создания и преобразования Лазаревского института в первой половине XIX в. Он был основан в Москве в 1815 г. семьёй богатых армянских промышленников как частное учебное заведение и прошёл сложный эволюционный путь: от училища для детей из бедных армянских семей до одного из признанных в России центров изучения и преподавания восточных языков. Ключевую роль в истории Лазаревского института сыграли два фактора: энергичная культурно-просветительская деятельность семьи Лазаревых, а также заинтересованность правительства Российской империи в подготовке для кавказской администрации переводчиков и чиновников со знанием восточных языков.*

***Ключевые слова:** Российская империя, Лазаревский институт, преподавание восточных языков, семья Лазаревых, А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский, А. Х. Бенкендорф, С. С. Уваров, В. П. Бутков.*

В 2015 г. исполнилось 200 лет со времени основания Лазаревского института восточных языков — одного из самых неординарных учебных заведений Российской империи в XIX — начале XX вв. Основанное в Москве в 1815 г. семьёй богатых армянских промышленников это частное учебное заведение прошло сложный, необычный для своего времени эволюционный путь: от училища для детей из бедных армянских семей до высшего учебного заведения — одного из признанных центров востоковедения в России. В статье освещается история создания, а затем преобразования «армянского училища господ Лазаревых» в «Московский Лазаревых институт восточных языков» в первой половине XIX в.

Уроженцы знаменитого в Иране армянского торгового города Нор-Джуга Лазаревы (Егизаряны, Лазаряны) в 1720-х гг. переехали и обосновались в России [3, с. 11–12]. Глава семьи Л. Н. Лазарев смог составить своей семье огромное состояние на торговле драгоценными камнями, а также на производстве шёлка и его поставках к императорскому двору [14, с. 17]. Его наследники — сыновья Иван, Минас и Еким Лазаревичи — используя свое богатство, а также связи при дворе императрицы Екатерины II [11, с. 24–26], активно участвовали в жизни армянской общины Российской империи. Лазаревы также были известны своей широкой благотворительностью в сфере культуры и образования. Иван Лазаревич много времени и средств уделял вопросу приобщения «армянского юношества» к европейским наукам и культуре. В 1785 г. он решил основать особое армянское учебное заведение [1, с. 30]. Окончательно замысел оформился у И. Л. Лазарева в 1791 г. после гибели в одном из сражений русско-турецкой войны 1787–1791 гг. единственного его сына — А. И. Лазарева, премьер-майора, адъютанта светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Памятником сыну должно было стать армянское учебное заведение, проект которого в 1799 г. составил архимандрит Григорий Тер-Степанян (Степанов) Ара-ратский. Предполагалось, что это будет приют для обучения около 30 учеников, в котором будут

преподавать двое учителей [13, с. XIV–XV]. Осуществить задуманное И. Л. Лазарев не успел, но в составленном чуть более чем за полтора года до смерти, 4 января 1800 г., завещании он отдельным пунктом предписал своему наследнику, младшему брату Е. Л. Лазареву, внести после его смерти в Московский опекунский совет 200 тыс. ассигнациями, чтобы «имеющею составиться из процентов значительною суммою соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» [13, с. VI].

Стремясь исполнить волю старшего брата, Е. Л. Лазарев первоначально решил открыть училище в Новой Нахичевани, взяв за основу уже имевшийся проект [13, с. XIV–XV]. Но в 1810 г. он решил основать армянское учебное заведение в Москве, отдав под него часть владений Лазаревых в Столповом (Армянском) переулке. Основание училища для армянских детей стало для Лазаревых общим семейным делом. В письме своим сыновьям Ивану и Христофору Е. Л. Лазарев писал: «Это важное дело, полезное и национальное... Весь мир глядит на нас. Может быть, начав дело, понеся затраты, мы не сможем завершить его и среди народов и наций, своих и чужих, опозоримся» [1, с. 30]. Желая ускорить ход дела, Е. Л. Лазарев решил сразу выделить на сооружение здания и первое его обзаведение свыше 300 тыс. рублей [4, с. 16]. Шедшая полным ходом подготовка к открытию училища была прервана Отечественной войной 1812 г. Несмотря на значительные материальные потери, которые понесла семья Лазаревых во время занятия Москвы французскими войсками [1, с. 32], уже в начале 1813 г. началось строительство комплекса зданий училища [13, с. 2]. Одновременно 18 марта 1814 г. Е. Л. Лазарев обратился с прошением к министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому с просьбой разрешить открыть училище, а также внести его «в состав или в число Государственных публичных Гимназий или училищ» [18, л. 41–42]. Получив разрешение, Лазаревы 10 мая 1814 г. провели «с полною и блистательною церемониею» освящение и закладку камня на месте сооружения главного здания училища [13, с. VI–VII]. А через год, 12 мая 1815 г., состоялось торжественное открытие занятий в частично отстроенном здании училища.

Первоначально в училище принималось ежегодно 30–40 воспитанников армянского вероисповедания в возрасте от 10 до 14 лет, которые должны были содержаться за счёт капитала, пожертвованного основателями училища. В то же время, хотя училище задумывалось, прежде всего, как армянское учебное заведение, в его стенах сразу же стали обучаться «дети других наций из дворян и чиновников». Поэтому с первых дней своего существования училище стало русско-армянским учебным заведением. Весь курс обучения составлял два года. Учебная программа училища в соответствии с первоначальным замыслом Е. Л. Лазарева преследовала цель дать ученикам «элементарное учение» [7, с. 32].

15 июня 1818 г.¹ Е. Л. Лазарев, оставив за собой звание Попечителя, передал фактическое управление учебной и хозяйственной частью училища своим сыновьям – Ивану Екимовичу и Христофору Екимовичу [20, с. 86]. Братья поставили перед собой цель уравнивать основанное их семьей учебное заведение с государственными гимназиями, так как лишь в этом случае оно могло превратиться в крупный образовательный и культурный армянский центр. Кроме того, введение гимназических дисциплин сделало бы учебное заведение Лазаревых более популярным в глазах русского дворянства и купечества, привлекая в его стены большее количество пансионеров и полупансионеров, а значит, повышая доходы частного учебного заведения. С 1818 г. начал формироваться особый образовательный профиль будущего Лазаревского института. Учебная программа училища расширилась, а весь курс обучения был разделён на три класса: нижний, средний и высший [20, с. 41]. При этом Лазаревы не собирались отказываться от изначальной своей цели – создать учебное заведение, в стенах которого воспитывалась бы и образовывалась армянская элита. В училище должно было сохраняться преподавание армянского языка, а также дисциплин, входивших в курс подготовки армянских священнослужителей. Лазаревы сознательно взяли курс на создание в учебном заведении нескольких параллельных друг другу учебных курсов – для армянских воспитанников и пансионеров и для русских пансионеров и полупансионеров.

Постоянный приток желающих пройти обучение в училище, а также успешные выпуски закончивших курс воспитанников (в 1821 г. пять из двенадцати выпускников училища смогли успешно поступить в Московский университет) [20, с. 42–43] подтолкнули попечителей ходатайствовать перед министерством народного просвещения о даровании училищу «Высочайше утверждённого устава по примеру других учебных заведений». Однако быстрое положительное

¹ В некоторых исследованиях указывается другая дата – январь 1816 г.

решение вопроса осложнялось тем, что Лазаревское училище по ряду признаков выпадало из системы средних учебных заведений Российской империи. Программа училища включала обучение армянскому языку, изучение армянской литературы, чего не было в курсе государственных гимназий. Тем не менее, братья Лазаревы не только не собирались отказываться от особенностей учебной программы, но, наоборот, попытались их закрепить через утверждение особого устава для своего детища.

В 1817 г. они впервые обратились в Министерство народного просвещения с просьбой позволить училищу называться «Армянской Лазарева академией», а также уравнивать его в правах с Московской практической академией коммерческих наук и др. подобными учебными заведениями. Но проект был отклонён Главным правлением училищ министерства под предлогом, что училище не может называться академией, поскольку не является чисто научным заведением, занимающимся «единственно усовершенствованием наук и обогащением их новыми открытиями» [20, с. 97]. Тогда, желая сохранить преподавание армянской словесности и в то же время получить для училища официальный статус учебного заведения, братья Лазаревы решили сделать ставку в учебной программе на преподавание восточных языков. Это дало бы училищу конкурентное преимущество перед другими образовательными учреждениями, а кроме того, позволило сохранить в качестве предметов армянский язык и словесность, не вызывая придирок со стороны чиновников министерства народного просвещения. Возможно, идею сделать главным профилем училища преподавание в нём восточных языков подсказал старшему из братьев И. Е. Лазареву его опыт службы в Министерстве иностранных дел, где он с 1811 г. служил в Азиатском департаменте [2, с. 24–27].

В итоге в 1823 г. попечители училища представили министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну новый проект устава учебного заведения под названием «Армянская Лазарева гимназия высших наук и восточных языков» [4, с. 22]. Согласно проекту, в новой гимназии должны были преподаваться армянский, персидский, турецкий и арабский языки. Параграф 4-й проекта устава ясно определял основную цель училища: подготовка лиц из армян и представителей других национальностей, «нужных по политическим и торговым отношениям империи», к государственной службе для того, чтобы, «с одной стороны, удовлетворять настоящие потребности в учителях и переводчиках сих языков, с другой – способствовать... полезному распространению исторических и статистических сведений о народах и странах азиатских» [4, с. 22]. Учёный комитет при Главном правлении училищ, ознакомившись с прошением Лазаревых, предложил принять для училища новое название, а также приравнять его в правах к другим гимназиям. Составить проект устава и штата гимназии Лазаревых Учёный комитет предложил Московскому университету. Однако «на сем дело сие и остановилось» [20, с. 98].

Натолкнувшись на сопротивление со стороны министерства, которое не могло принять необычную учебную программу училища, Иван и Христофор Екимовичи Лазаревы нашли своеобразный способ, чтобы получить для своего учебного заведения официальный статус. Попечители решили поставить во главе училища влиятельного государственного деятеля. В качестве возможного покровителя выбор пал на всесильного в то время при дворе императора Александра I главного начальника военных поселений, генерала от артиллерии графа А. А. Аракчеева. Решение подсказал Лазаревым их старинный друг, известный государственный деятель М. М. Сперанский [17, с. 176–179; 15, с. 6], который лично составил проект прошения на имя императора [15, с. 77–78]. Внеся в первоначальный проект ряд изменений и дополнений, 19 июня 1824 г. попечители обратились к Александру I с прошением передать училище под главное начальство графа А. А. Аракчеева [10, с. 127–128]. На этот раз министерство не возражало против инициативы Лазаревых. В письме к Аракчееву в декабре 1824 г. министр народного просвещения адмирал А. М. Шишков подтвердил, что поскольку армянское училище Лазаревых не подчиняется ему напрямую, а является особым учебным заведением, созданным в первую очередь для образования армянских детей, то оно может быть поставлено в ведение особого начальника [10, с. 131].

Хлопоты Лазаревых, поддержанные М. М. Сперанским, увенчались успехом. На заседании 8 августа 1824 г. Комитет министров подробно рассмотрел их прошение. Ознакомившись с мнениями Шишкова, а также Аракчеева, выразившего свое согласие стать главным начальником училища, Комитет согласился удовлетворить прошение Лазаревых. Через два месяца, 8 ноября 1824 г., журнал Комитета министров был высочайше утвержден, а 30 июня 1825 г. вышел указ о подчинении армянского училища главному начальству генерала от артиллерии графа Аракчеева [20, с. 96–99]. Училище Лазаревых было уравнено в правах с гимназиями, но по-прежнему

не имело устава. В этой связи попечители особенно надеялись на протекцию главного начальника училища. Их ожидания отчасти оправдались, поскольку Аракчеев немедленно взялся за составление устава, затребовав от Лазаревых необходимые сведения [20, с. 95]. Согласно «Обзору Лазаревского института...», в Штабе военных поселений по распоряжению А. А. Аракчеева были составлены в разных видах проекты устава Лазаревской гимназии [13, с. 8]. В 1826 г. по распоряжению Аракчеева проект устава был направлен в Министерство народного просвещения [21, с. 60]. Но смена царствований, события на Сенатской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г. — всё это отодвинуло решение вопроса об уставе гимназии Лазаревых на несколько лет.

* * *

Вопрос об уставе Лазаревской гимназии ещё долго «лежал под сукном», если бы не важные внешнеполитические события, произошедшие на южных окраинах Российской империи. 10 (22) февраля 1828 г. в деревне Туркманчай близ Тебриза был подписан мирный договор, который завершил русско-персидскую войну 1826—1828 гг. В результате к Российской империи была присоединена Восточная Армения, в чем Лазаревы приняли непосредственное участие. Ещё в сентябре 1826 г. Христофор Екимович Лазарев «вследствие Высочайшей воли» получил от вице-канцлера графа К.В. Нессельроде предписание «находиться при Генерал-Адъютанте Графе Бенкендорфе для исполнения возлагаемых на него поручений по внешним и внутренним азиатским сношениям» [2, л. 24—27 об]. Лазареву был поручен сбор информации о положении дел в Персии, Османской империи и Закавказье. Составленные им доклады через графа А. Х. Бенкендорфа передавались императору Николаю I. В своих докладах Х. Е. Лазарев выступал сторонником проекта возрождения Армянского царства в границах Российской империи по образцу Царства Польского или Великого княжества Финляндского. Император Николай I ввиду приближавшейся русско-турецкой войны частично пошёл навстречу армянским деятелям. Своёобразным компромиссом стало создание Армянской области и внесение изменений в императорский титул: указом Правительствующего Сената император был провозглашён «Государем Армянской области» [12, с. 244]. В докладах Х.Е. Лазарева содержались в числе прочего и предложения по переселению армянского населения из Персии в создаваемую Армянскую область, так как, согласно статьям Туркманчайского мирного договора, правительство Персии обязалось не препятствовать. Осуществление этой важной миссии было поручено полковнику Л. Е. Лазареву, под командованием которого из Персии переселилось 40 000 армян [7, с. 20—21].

Для управления вошедшими в состав Российской империи территориями Закавказья требовались чиновники, хорошо знавшие не только местные языки — армянский, грузинский, азербайджанский, но также культурные особенности жизни местных народов. В этом контексте в правительственных кругах сформировался взгляд на гимназию Лазаревых как на учебное заведение, которое могло бы выпускать хорошо подготовленных для службы в Закавказье чиновников, что было связано в первую очередь с преподаванием там восточных языков. С другой стороны, в Санкт-Петербурге не могли не обратить внимания на детище Лазаревых в перспективе начавшего активно развиваться в начале XIX в. отечественного востоковедения, не только приобретшего отчётливые институциональные формы, но также постепенно выходящего за пределы удовлетворения сугубо практических нужд государства [5, с. 5—24; 6, с. 74—86.] В России, как и в Западной Европе, интерес к Востоку проявился после Великой французской революции, которая ужасами «революционного террора» вдребезги разбила миф о разумном, просвещённом человеке «французских просветителей». Среди европейских интеллектуалов «обострилось внимание ко всему неевропейскому, прежде всего — к Востоку» [22, с. 11].

Между тем со смертью 26 января 1826 г. фактического основателя и попечителя гимназии Е. Л. Лазарева его должность занял старший сын И. Е. Лазарев, а должность директора стал исполнять Х. Е. Лазарев. Через год, в 1827 г., ушёл в отставку граф А.А. Аракчеев, вместе с этим сложив с себя обязанности главного начальника гимназии Лазаревых. Необходимо было снова искать покровителя для учебного заведения. В январе 1828 г. братья обратились с прошением к Николаю I о назначении главным начальником гимназии начальника III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа. Прощение Лазаревых поддержал Армянский епархиальный архиепископ Иоаннес, который в письме от 13 января 1828 г. к императору, в частности, подчёркивал: «Ин-

ститут сей на особенных правилах и для особого народа устроенный, не иначе может процветать, как при удостоении его особенного Монаршего покровительства и при сохранении особого Главного начальства» [10, с. 134–135].

Годом ранее, в начале 1827 г., министр А. С. Шишков вновь отклонил представленный Лазаревыми проект устава, потребовав чётко определить: будет ли гимназия общеобразовательным или специальным учебным заведением по преподаванию восточных языков. Однако Лазаревы не хотели превращать своё учебное заведение в узкоспециализированное училище по подготовке переводчиков с восточных языков. В ответе министру они подчеркивали, что гимназия существует уже более десяти лет, в течение которых одни выпускники поступили в Московский университет, а другие — успешно служат переводчиками. Они настаивали на необходимости сохранить в гимназии как широкую гимназическую общеобразовательную учебную программу, позволявшую выпускникам поступать в университеты, так и специализированную программу изучения восточных языков. Лазаревы подчёркивали, что главная цель основанного ими учебного заведения состояла в том, «чтобы юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставлять способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков» [4, с. 24].

Для разрешения вопроса об уставе «Лазаревых гимназии» в сентябре 1827 г. Комитет устройства учебных заведений поручил академику А. К. Шторху, одному из видных экономистов начала XIX в., подготовить его учебный план и устав. Детально ознакомившись с деятельностью учебного заведения Лазаревых и убедившись в серьёзной постановке в нём преподавания восточных языков, а также подготовки учителей и священнослужителей для армянских училищ и храмов, академик ходатайствовал о придании ему статуса лицея или института. В своём отчёте А. К. Шторх особенно подчеркнул большую пользу изучения восточных языков в Лазаревской гимназии [4, с. 24]. На заседании 26 декабря 1827 г. Комитет устройства учебных заведений определил дать учебному заведению Лазаревых новое название «Лазаревых Институт Восточных языков» [21, с. 68]. В январе 1828 г. Комитет устройства учебных заведений постановил, чтобы попечители училища приняли участие в составлении нового устава вместе с членом Комитета действительным статским советником А. К. Шторхом [10, с. 135].

В феврале 1828 г. статс-секретарь Н. Н. Муравьев, согласно «высочайшей воле», препроводил на рассмотрение министра народного просвещения всеподданнейшие прошения статских советников И. Е. и Х. Е. Лазаревых о подчинении гимназии Лазаревых главному начальству А. Х. Бенкендорфа [21, с. 18]. В марте 1828 г. на заседании Комитета устройства учебных заведений оба вопроса — об уставе и главном начальнике — были рассмотрены одновременно. Рассмотрение проекта устава института решили отложить ввиду предстоявшего общего преобразования системы учебных заведений в Российской империи. Что касается вопроса о подчинении Лазаревского института главному начальству А. Х. Бенкендорфа, то члены Комитета, не видя препятствий к положительному решению, в то же время подчеркнули, что «Институт не должен выходить из общего заведывания Министерства Народного Просвещения и при подчинении его новому Начальству». В том же месяце журнал Комитета устройства учебных заведений был высочайше утвержден [21, с. 18].

Несомненно, что в министерстве испытывали определённое недоверие к Лазаревскому институту. С одной стороны, институт отличался от казенных заведений учебной программой, включавшей изучение армянского и других восточных языков, а с другой — существовал на частные пожертвования. И тот, и другой факты вызывали в ведомстве беспокойство. В частности, в министерстве опасались, что институту не хватит средств на собственное содержание. Однако новый главный начальник института был совершенно уверен в пользе существования института. В письме к А. М. Шишкову от 12 апреля 1828 г. А. Х. Бенкендорф, в частности, писал: «...общая цель Института состоит в том, чтобы доставить юношеству способы к воспитанию и образованию в науках, служащих приготовлением на службу военную и гражданскую. Сверх того, юношество Армян, обитающих под покровительством России и усердную преданность новому своему отечеству оказавших, получив образование в Главном Учебном Заведении, с большею удобностью соединится с коренными Россиянами» [20, с. 114].

Показателем того высокого значения, которое в правительственных кругах стали придавать Лазаревскому институту, стали приёмы в его стенах в 1829 и 1830 гг. делегаций высокопоставленных представителей Персии и Османской империи. Российские власти с удовольствием демонстрировали им учебное заведение, готовившее профессиональных чиновников со знанием восточных языков. В ноябре 1829 г. институт посетил персидский принц Хосров-мирза со

своей свитой [20, с. 122–123]. В январе 1830 г. Лазаревский институт посетила группа турецких дипломатов – посланник трехбунчужный паша Гюрджу Халил Рифат, министр султана и хранитель государственной печати Неджиб-эфенди, а также секретарь турецкого посольства Сарим-эфенди. Для турецких дипломатов была произнесена пансионером института князем Г. И. Манук-беем на турецком языке речь, в которой кратко излагалась история «возрождения Армян в благотворной России», а также основные вехи создания и деятельности института. Турецким дипломатам были поднесены эстампы и книги на восточных языках, напечатанные в типографии института [20, с. 131].

* * *

4 октября 1834 г. Лазаревский институт в сопровождении его главного начальника графа А.Х. Бенкендорфа посетил Николай I. Как было сказано в официальном описании «высочайшего посещения»: «По обозрению Института, Государь Император благоволил изъявить Высочайшее своё удовольствие за устройство и найденный порядок Главному Начальнику Института Г. Генерал-Адъютанту Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а вскоре официально объявлено о сем достопамятном для Института событии...» [21, с. 155–156]. Интерес императора к институту предвещал близкие преобразования в жизни учебного заведения.

В середине 1830-х гг. под руководством министра народного просвещения графа С. С. Уварова полным ходом шла реформа учебных заведений Российской империи. Согласно высочайшему утвержденному мнению Государственного совета от 25 июня 1834 г., все высшие и средние учебные заведения империи должны были быть распределены по нескольким разрядам. 17 августа 1834 г. министр народного просвещения обратился к графу А. Х. Бенкендорфу с предложением включить состоявший в его ведении Лазаревский институт во 2-й разряд. Получив согласие, С. С. Уваров внёс общее представление в Государственный совет [21, с. 30–32]. Высочайшим указом от 20 ноября 1835 г., утвердившим расписание высших и средних учебных заведений, Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков был помещён во 2-й разряд наравне с гимназиями, корпусами и институтами [21, с. 38–44].

Через некоторое время главный начальник института представил на имя императора докладную записку от 28 июня 1837 г. о даровании Лазаревскому институту прав и преимуществ наравне с учебными заведениями 2-го разряда. Николай I поручил рассмотреть дело института Комитету министров. На заседаниях 3 и 31 августа 1837 г. Комитет, рассмотрев записку графа А. Х. Бенкендорфа и выслушав особое мнение С. С. Уварова, принял решение удовлетворить прошение главного начальника института. Указом от 21 октября 1837 г. закреплённые в журнале Комитета министров права института Лазаревых были подтверждены и обнародованы. Чиновникам и преподавателям были присвоены права действительной государственной службы с присвоением каждой должности в институте соответствующего класса по Табели о рангах [21, с. 53–56].

Добившись для Лазаревского института прав учебных заведений 2-го разряда, главный начальник занялся приведением в порядок его внутреннего распорядка. В отношении от 30 сентября 1837 г. граф А. Х. Бенкендорф предписал Совету института «учинить все зависящие распоряжения, равно в точность соблюдать и исполнять все те правила, которые законом и указами повелены для всех учебных заведения 2-го разряда». Для приведения внутреннего распорядка института в соответствие с общеимперским законодательством главный начальник предложил взять за основу изданное в 1830 г. «Постановление Восточного Лазаревых института» [21, с. 58–63].

Работа над приведением в соответствие «Постановления...» института с указами и законами об учебных заведениях 2-го разряда вызвала вопросы. Уже устоявшаяся структура управления институтом несколько отличалась от принятой в гимназиях, лицеях и корпусах. Поэтому необходимо было законодательно подтвердить эти особенности. В первую очередь речь шла о закреплённом в «Постановлении ...» правиле о передаче по наследству в фамилии Лазаревых звания и должности попечителя института. Также необходимо было добиться разрешения на существование в институте такой структуры, как совет, куда входили попечитель, директор, инспектор и некоторые из старших учителей. Кроме того, Лазаревы хотели закрепить правило об обязанности воспитанников, окончивших институт с отличием, прослужить в нём после окончания шесть лет в должностях старших и младших учителей. Оставались и другие вопросы: кому начальство института должно было направлять финансовые отчеты и какие мундиры должны были теперь носить преподаватели и чиновники института?

Все эти вопросы граф А.Х. Бенкендорф внёс на рассмотрение Комитета министров. Новое ходатайство встретило сопротивление со стороны министра народного просвещения, который, выражая недоверие начальству института, указывал на ненадёжность финансовых источников содержания института [10, с. 143]. В реальности, скорее всего, речь шла о ведомственной ревности. Министерство не хотело мириться с существованием учебного заведения, которое находилось под номинальным его ведением и отличалось от других образовательных учреждений Российской империи особыми порядком управления и учебной программой. Тем не менее Комитет пошёл навстречу главному начальнику института. Высочайше утвержденным журналом Комитета министров от 29 марта и 26 апреля 1838 г. за институтом были утверждены почти все испрашенные дополнительные права [21, с. 100–106].

Комитет обязал воспитанников после окончания института прослужить в нём шесть лет в должностях старших и младших учителей. При этом было поставлено условие, что занять должность учителя воспитанник мог только после окончания с успехом полного курса университета, а также сдачи испытания для получения «надлежащей учёной степени». Положительно был решён вопрос о форменной одежде преподавателей и учащихся института, что являлось важным внешним признаком того, что институт приобрёл официальный статус. Попечителю, директору, инспектору, учителям и другим чиновникам института разрешалось носить мундир и мундирные фраки того же фасона, который носили в гимназиях Московского учебного округа с той разницей, что на пуговицах должен был быть не губернский, а государственный герб [21, с. 105–106]. В то же время Комитет по настоянию С. С. Уварова отклонил ходатайство начальства института о дозволении им выпускать воспитанников, обучавшихся греческому языку, с чином 14 класса. В журнале Комитета были скрупулезно перечислены те параграфы устава гимназий и училищ, утверждённого 8 декабря 1828 г., которые не могли быть распространены на Лазаревский институт. В заключении журнала Комитет министров, желая предотвратить новые ходатайства о расширении прав института, жёстко подчеркнул: «Засим никаких более прав и преимуществ Институту сему не представлять и всякое о том домогательство на будущее время устранять» [10, с. 146].

Несмотря на первоначальное недоверие министра народного просвещения к Лазаревскому институту, его отношение к учебному заведению постепенно смягчилось. 17 июня 1840 г. С.С. Уваров «изволил почтить Институт восточных языков своим посещением». Очевидно, министр решил устроить неожиданную инспекцию институту, который вызывал у него неприятие. Как следует из рапорта командира института генерал-майора П.П. Римана, проверка окончилась благополучно, поскольку С.С. Уваров лично убедился в основательности даваемого в институте образования в рамках гимназической программы [10, с. 146–147].

Одной из особенностей учебного заведения Лазаревых с первых дней его существования являлась подготовка в его стенах будущих священнослужителей армяно-григорианского исповедания. В связи с успешным завершением интеграции института в систему учебных заведений Российской империи его руководство решило придать официальный статус обучению армянских воспитанников, готовившихся принять духовное звание, для чего планировалось учредить при институте «Духовное отделение» [8, с. 47]. Составленный проект был сначала направлен на рассмотрение в Эчмиадзинский Армяно-Григорианский Синод, который своим постановлением от 21 июля 1839 г. его одобрил [19, л. 1–8]. После внесения уточнений, предложенных графом А.Х. Бенкендорфом, министром народного просвещения С.С. Уваровым, а также министерством внутренних дел, проект «правил духовного отделения» поступил на рассмотрение Комитета министров, журнал которого с положительным решением был 31 января 1841 г. высочайше утверждён [10, с. 147].

* * *

Следующей важной вехой в развитии Лазаревского института как учебного заведения, специализирующегося на востоковедении, стало утверждение в 1848 г. его нового устава. Оправданной точкой новых преобразований в институте стал 1844 г., когда на должность Наместника на Кавказе был назначен граф (с 1845 г. — князь) М.С. Воронцов. Он получил огромные полномочия, которые должны были, по мысли Николая I, помочь завершить Кавказскую войну и окончательно присоединить Кавказ к Российской империи. В качестве одного из главных инструментов для выполнения поставленной перед ним задачи князь М.С. Воронцов рассматривал политику в сфере образования. Кавказская администрация испытывала постоянный

кадровый голод. Несмотря на привилегии, которые имели чиновники, соглашавшиеся служить на Кавказе, их количество, а главное нравственный и профессиональный уровень, часто оставляли желать лучшего [23, с. 138–141]. Выход из порочного круга Наместник видел в создании условий для широкого привлечения к управлению краем уроженцев Кавказа. Князь М. С. Воронцов справедливо полагал, что включение представителей элиты народов Северного Кавказа и Закавказья в состав местной российской администрации значительно ускорило бы процесс интеграции края в состав Российской империи. Однако для этого необходимо было дать кавказским уроженцам соответствующее образование. В то же время Наместник вынужден был исходить из ситуации ограниченности образовательных средств и возможностей в пределах управляемого им края. Поэтому политика как Тифлиса, так и Санкт-Петербурга в этой сфере вынужденно основывалась на двух принципах – практическая польза от даваемого образования для государственной и военной службы, а также экономия, то есть минимальные затраты государства на организацию образовательного процесса [23, с. 140–141].

В 1848 г. было принято «Положение» о Кавказском учебном округе. В нём, в частности, подчёркивалась невозможность открытия там высших учебных заведений. Организация на Кавказе высшего учебного заведения требовала значительных затрат, тогда как Российская империя несла колоссальное финансовое бремя продолжавшейся Кавказской войны. В этой ситуации выходом стало направление кавказской молодёжи для получения образования в Санкт-Петербург и Москву. Чтобы поставить эту практику на регулярную основу, кавказская администрация разработала проект «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счёт казны, в высших и специальных учебных заведениях империи», который был доработан после обсуждения в Кавказском комитете. 11 июня 1849 г. «Положение о воспитании...» было введено в действие. В нём регламентировалась численность «кавказских воспитанников», а также определялись учебные заведения, в которых они должны были проходить подготовку. В 18 российских высших учебных заведениях обучались 160 человек. Надзор за ними в учебных заведениях осуществлял Кавказский комитет. Приём воспитанников проходил ежегодно согласно установленной квоте. «Кавказские воспитанники» готовились не только к гражданской или военной службе, но также к деятельности в сфере «торговли и промышленности». После окончания обучения молодые специалисты обязаны были прослужить на Кавказе не менее шести лет. Полученное уроженцами Кавказа образование было источником служебных привилегий и фактором, способствовавшим карьерному росту [16, с. 313–323].

Вполне естественно, что Лазаревский институт попал в список тех учебных заведений, куда предполагалось направлять «кавказских воспитанников». Еще в 1843 г. по прямому распоряжению императора Николая I в институт были направлены пять воспитанников из числа закавказских уроженцев «для приготовления себя на службу в тамошнем крае» [7, с. 50]. В 1846 г. с Высочайшего разрешения в Москву командировали управляющего делами Кавказского комитета, статс-секретаря В. П. Буткова, чтобы провести испытание «кавказских уроженцев, воспитывающихся в Лазаревском институте». Проверка показала, что «воспитанники учатся весьма удовлетворительно, заботливость о них начальства примерная, порядок во всем заведения отличной» [10, с. 149]. Тем не менее управляющий остался недоволен общим состоянием дела обучения «закавказских воспитанников» не только в Лазаревском институте, но также в других, в том числе высших учебных заведениях.

В представленной по результатам инспекции записке В. П. Бутков указал на то, что курс учения в институте, ограниченный пятью классами, слишком краток, если учесть, что в него входят все предметы гимназического курса, а сверх того ещё восточные языки. Не устраивало управляющего также то, что институтский курс, в частности преподавания восточных языков, не был окончательным, а предполагал дальнейшее обучение в Московском университете, притом, что в нём не было специального для этого отделения. В результате подчёркивал Бутков: «Кавказские воспитанники не только не могут усовершенствоваться в главном предмете их образования – восточной словесности, но легко могут забыть всё то, что они прошли по этой части в Лазаревском институте». В записке также указывалось, что воспитанники данного института не имеют никаких привилегий, даже тех, которые имеют выпускники Тифлисской гимназии. Поэтому, по мнению Буткова, «немногие из Кавказских уроженцев пожелают воспитывать своих сыновей в Лазаревском Институте, имея возможность воспитывать их с большею выгодой в Тифлисской гимназии» [10, с. 150].

Если в Лазаревском институте Бутков нашёл курс обучения воспитанников слишком «кратким и сжатым», то в С.-Петербургском университете обучение «кавказских воспитанников»,

по его мнению, страдало излишней полнотой. К 1846 г. Петербургский университет имел уже 30-летнюю историю преподавания восточных языков [5, с. 21]. Но, вероятно, именно в силу академичности преподавания университет плохо подходил на роль кузницы административных кадров для Закавказья. Инспекция показала, что поступившие в университет «закавказские воспитанники», не имея хорошего среднего образования, вынуждены были слушать «множество предметов, кои не слушаются прочими студентами» [10, с. 150]. Так, большая часть воспитанников плохо знала русский язык и не могла как остальные студенты «следить с настоящим успехом за курсом преподавания». Попытка преподавать «кавказским воспитанникам», помимо других предметов, еще 7 восточных языков приводила к тому, что они, начиная изучать их с азбуки, «никак не могут успеть изучить сии языки так, как бы следовало». И наконец, университетская система не позволяла иметь за «воспитанниками» жёсткого надзора, «который особенно необходим для Закавказских уроженцев, ещё довольно слабых в своих понятиях о пользе и необходимости учения» [10, с. 150]. Кавказский комитет ожидал, что воспитанники будут выходить из стен институтов и университетов уже полностью подготовленными к гражданской и военной службе на Кавказе. На деле же выяснилось, что учебные программы ни Лазаревского института, ни С.-Петербургского университета не соответствовали — каждая по-своему — «предположенной Государем Императором цели, приготовления из Закавказских уроженцев чиновников для этого края, основательно знающих туземные языки» [10, с. 151].

В итоге Бутков пришел к следующему выводу: «Для отвращения всех сих затруднений и приготовления для Закавказского края таких переводчиков, которые имели бы твёрдые и обстоятельные познания в тех именно восточных языках, кои наиболее употребительны за Кавказом, необходимо, чтобы Закавказские уроженцы приготовлялись к этому с юношеского возраста и чтобы приготовление это имело целью не одни восточные языки, но и науки юридические, более или менее необходимые для губернского чиновника» [10, с. 151]. Другими словами, Бутков указывал на необходимость начинать преподавание восточных языков для «закавказских воспитанников» ещё на уровне гимназии, с тем чтобы затем они уже без затруднений усваивали университетский курс. Одним из способов решить означенную проблему явилось бы учреждение при одной из расположенных в Петербурге гимназий «особого восточного отделения». Кроме того, Министерство народного просвещения предлагало в качестве выхода из ситуации «усилить способы восточного отделения С.-Петербургского университета». Но в первом случае от казны требовались дополнительные субсидии в размере 10 тыс. руб. серебром в год, а во втором — 4 или 5 тыс. руб. серебром в год. Но как говорилось в записке: «Такие новые расходы при теперешнем положении дел, решительно невозможны» [10, с. 151].

В этой связи Бутков обратил особое внимание на Лазаревский институт, в котором преподавание восточных языков начиналось уже в младших классах и который содержался на деньги частных лиц. Статс-секретарь предложил подготовку чиновников из числа закавказских уроженцев «сосредоточить исключительно в Московском Лазаревых Институте» [10, с. 151]. Для реализации этой меры он разработал следующий план действий: «1) Рассмотреть курс Института и сделать его окончательным, так, чтобы воспитанники, выслушавшие в Институте весь курс, поступали уже не в университет, а прямо на службу. 2) Для этого... применить к Институту уставы, изданные для... лиц... но с тем, чтобы посвятить Институт, сверх предметов обыкновенного гимназического курса, ещё восточным языкам, а также наукам: юридическим для тех, кто будет готовиться на службу, и коммерческим для тех, кто пожелает готовиться к торговле. 3) Предоставить воспитанникам Института те права и преимущества, кои предоставлены воспитанникам означенных выше лицеев и за тем Институт, для единообразия, может быть, потребует назваться Московским Лазаревским лицеем. 4) Воспитывать в этом заведении, на казённый счёт, постоянно 30 закавказских уроженцев, то есть то самое число, какое назначено воспитывать ныне в Лазаревском институте и С.-Петербургском университете, с тем чтобы отпускаемая ныне на них из государственного казначейства сумма отпускалась уже в Лазаревский институт на усиление его штата» [10, с. 151 — 152]. Главный начальник института А.Ф. Орлов, являвшийся по совместительству также членом Кавказского комитета, полностью поддержал предложенный план преобразования института. Проект нового устава института был разработан совместно И.Е. Лазаревым и В.П. Бутковым, после чего передан на рассмотрение Кавказского комитета. Отдельные статьи проекта передали на рассмотрение министру народного просвещения, который, однако, подвергнул план преобразования института жёсткой критике.

Графа С.С. Уварова в проекте насторожила сложность создаваемого учебного заведения. Он прямо указал на то, что Кавказский комитет, преследуя прагматичные цели, выбрал палли-

ативное по сути средство их достижения. В письме к графу Орлову министр писал: «Всякое учебное заведение тем с большим успехом достигает своей цели, чем оно представляет менее сложности... . К сожалению, предполагаемый Лазаревский лицей... не удовлетворяет такому требованию. В нём полагается: во-первых, соединить в сжатом виде и пригособительное и высшее учебное заведение, то есть гимназию и собственно лицей... Во-вторых, в самом лицее, или в высших классах заведения предполагается совместить три совершенно разнородные цели образования воспитанников, с пригособлением их: а) для службы гражданской в сопредельных с Азиею провинциях; б) для торговли с востоком, и в) на службу по духовному ведомству Армянского исповедания, так что все вообще воспитанники существенно разделяются не на два разряда, как сказано в одной из статей проекта, а на три... Таковая разнородность естественно производит несоразмерное с объёмом заведения скопление учебных предметов и замешательство в распределении их, ко вреду сего заведения» [10, с. 158]. Уваров обращал внимание на то, что невозможно вместить в пять классов программу семи классов обычной гимназии, тем более что некоторые из предметов согласно представленному проекту не будут далее преподаваться в лицее. По мнению министра, можно было попытаться уместить гимназическую программу в рамках шести классов, как это было сделано министерством в дворянских институтах и некоторых гимназиях. Но пять классов было явно недостаточно. [10, с. 159]

Особенно жёсткому разбору графа С.С. Уварова подверглись разделы проекта, касающиеся изучения в учебном заведении иностранных, в том числе восточных языков. Министр обратил особенное внимание, что в число общих для всех воспитанников изучаемых языков должны войти русский, французский, арабский, персидский и турецкий, кроме того, для тех, кто хотел поступать на государственную службу, обязательным будет латинский, а для назначавших себя в торговлю — английский язык. Кроме того, воспитанники-армяне обязаны будут изучать армянский, а «закавказские воспитанники» — грузинский, армянский, татарский (азербайджанский). «Обучение столь многим языкам в одно и то же время, способное произвести совершенное смешение в понятиях молодых людей, притупить их способности, — писал министр, — не обещает решительно никакой пользы». [10, с. 160]

Министр предлагал: в случае, если финансовые возможности не позволяют выделить из Лазаревского института отдельно гимназию и лицей, то тогда в составе института необходимо было создать шесть гимназических (не включая в них пригособительный седьмой класс), а также три лицейских класса. Он исходил из того, что главной целью Лазаревского института является подготовка «переводчиков и чиновников для гражданской службы в Закавказском крае, также духовных лиц Армянского исповедания». Уваров предлагал отказаться от третьего отделения, предназначенного для подготовки «воспитанников для торговли с Востоком». По его мнению, существование данного отделения «могло только затруднить успешный ход целого заведения и стеснить без пользы денежные средства Института» [10, с. 162]. Подход графа С.С. Уварова был прагматичным и учитывал, прежде всего, ясно обозначившуюся в 1840-х гг. потребность кавказской администрации в притоке в этот край хорошо образованных чиновниках из числа местных уроженцев. Поэтому министр предложил графу А.Ф. Орлову: «как дело идёт здесь об образовании для гражданской службы Закавказских уроженцев и о пригособлении для тамошнего края способных чиновников и переводчиков» подключить к разработке проекта устава Лазаревского лицея Наместника на Кавказе М.С. Воронцова [10, с. 162–163].

В ответном письме от 12 марта 1848 г. граф А.Ф. Орлов вынужден был в принципе согласиться, что преподавание в одном учебном заведении одновременно сжатых гимназического и лицейского курса, да ещё при наличии трёх отделений, «произведёт скопление и замешательство в распределении учебных предметов». С другой стороны, главный начальник института исходил из реальных возможностей учебного заведения. Поэтому предложение разделить институт на гимназию и лицей, или ввести внутри него шесть гимназических и три лицейских класса, было отвергнуто, поскольку для этого ни у казны, ни у Лазаревых не было средств. Что касается сохранения трёх отделений, то это было явной уступкой Лазаревым, поскольку институт был создан в первую очередь для удовлетворения интересов армянской общины в Российской империи. В то же время критика со стороны министра народного просвещения заставила графа А. Ф. Орлова более чётко обозначить цель инициированного Кавказским комитетом преобразования Лазаревского института. Оказалось, что комитет преследовал не только узкую практическую цель — подготовка переводчиков и чиновников для Кавказского края. Речь шла о более широком замысле. Основное предназначение Лазаревского института граф А. Ф. Орлов определил следующим образом: «...главная цель Лазаревского института состоит в обучении

восточным языкам, не только приуготовительным, но общем и высшем, обнимающим преподавание восточных языков в том размере, как они читаются в С.-Петербургском университете» [9, с. 33]. Речь шла о том, чтобы ввести в Лазаревском институте наравне с общей гимназической учебной программой также университетский курс преподавания восточных языков. Согласно § 52 составленного проекта устава института весь курс обучения должен был делиться на восемь классов, из которых шесть являлись бы гимназическими, а два — специальными или высшими, предназначенными для преподавания восточных языков. В конце письма Орлов, желая окончательно прояснить для министра главную цель реформы института, писал: «В заключение долгом считаю присовокупить, что преобразованием Лазаревского Института... откроется в Москве заведение, которого именно для Москвы при настоящих торговых сношениях её с Востоком, не достаёт, заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере и которое, таким образом, будет заменять восточный факультет университета, не требуя никаких издержек со стороны казны» [9, с. 35]. 29 апреля 1848 г. подготовленный проект устава Лазаревского института был рассмотрен на заседании Кавказского комитета, который его одобрил с небольшими изменениями [10, с. 164]. 10 мая 1848 г. император Николай I утвердил журнал Кавказского комитета и подписал указ о преобразовании Лазаревского института [7, с. 54].

Проводя в 1848 г. преобразование Лазаревского института, правительственные круги в Петербурге попытались достигнуть одновременно несколько целей: во-первых, обеспечить для «закавказских воспитанников» возможность овладения на более высоком уровне (чем, например, в Тифлисской гимназии) дисциплинами гимназического курса; во-вторых, возможность изучения ими восточных языков «с юношества», то есть уже в гимназии; в-третьих, возможность дать «кавказским воспитанникам» университетский курс восточных языков и дисциплин в более сжатые сроки. Паллиативность данного плана, особенно в последнем пункте, была очевидной, а критика С. С. Уварова, как показало будущее, была справедливой. Тем не менее на тот момент это было лучшее решение, которое в итоге заложило основу для превращения уже во второй половине XIX в. Лазаревского института восточных языков в один из крупных академических центров востоковедения в России.

В истории становления Лазаревского института в первой половине XIX в. ключевую роль сыграли два фактора: во-первых, энергичная культурно-просветительская деятельность семьи Лазаревых, а во-вторых, заинтересованность правительственных верхов в появлении учебных заведений, главным профилем которых являлось бы преподавание восточных языков. Территориальные приобретения Российской империи в Закавказье сделали для правительства актуальным покровительство армянскому учебному заведению семьи Лазаревых, которое смогло взять на себя подготовку крайне необходимых для российской администрации на Кавказе и в Закавказье переводчиков и чиновников со знанием восточных языков. Особо привлекательным для правительства выглядел тот факт, что Лазаревский институт мог содержаться за счёт собственных средств, без финансовых вливаний из государственной казны. Кроме того, в Петербурге высоко оценивалась деятельность института по подготовке лояльной Российской империи армянской элиты. Каждый год из стен института выходила европейски образованная, со знанием как своего родного, так и русского языка армянская молодёжь, которая шла учителями в армянские школы, священниками — в армянские храмы, а также гражданскими чиновниками и военными — на российскую государственную службу.

«The School, where Eastern Languages Will Be Taught Widely»: The History of the Lazarev Institute in the First Half of the XIX Century in the Context of the Policy of the Russian Empire in the Caucasus

**Mikhail Volhonsky, Ph.D. (history), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies
and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru**

Summary. *The article highlights the history of creation and transformation of the Lazarev Institute in the first half of the nineteenth century. It was founded in Moscow in 1815 thanks to the family of rich Armenian industrialists as a private institution and underwent a complex evolutionary path from school for children from poor Armenian families to the Institute, one of the recognized in Russia centers for learning oriental languages. A key role in the history of the Lazarev Institute played two factors: energetic cultural and educational activities of Lazarev family, as well as the interest of the government of the Russian Empire in preparation for the Caucasian administration of interpreters and officials with knowledge of oriental languages.*

Keywords: *The Russian Empire, the Lazarev Institute, oriental languages teaching, Lazarev family, A. A. Arakcheev, M. M. Speransky, A. H. Benkendorf, S. S. Uvarov, V. P. Butkov.*

Литература / References

1. Амирханян А. Т. Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины XIV–XX века. – М., 1992.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1923.
3. Асадов Ю. А. Исфаганский род Лазаревых. – М., 2000.
4. Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М., 1973.
5. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. – СПб., 1879.
6. Воевода Е. В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. – М., 2010.
7. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. – СПб., 1855.
8. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. – М., 1863.
9. Кананов Г. И. Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков. – М., 1865.
10. Кананов Г. И. Семидесятипятилетие Лазаревского Института восточных языков. 1815–1850 гг. – М., 1891.
11. Кузнецова Л. К. О жалованных князю Г. Г. Орлову портретах Екатерины II // Эрмитажные чтения к 100-летию со дня рождения В. Ф. Левинсона-Лессинга. – СПб., 1993.
12. Маргарян Г. К. Роль Христофора Лазарева в истории русско-армянских отношений // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. – М., 2006.
13. Материалы для истории Лазаревского Института Восточных Языков, издаваемый иждивением г. почётного попечителя князя Семёна Семёновича Абамелик-Лазарева. Вып. 1. – М., 1914.
14. Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. – Екатеринбург, 2013.
15. Письма графа М. М. Сперанского к Х. Е. Лазареву. – СПб., 1864.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 24. – СПб., 1850.
17. Рафиенко Л. С., Лазаревы, Сперанский М. М. // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. – М., 2006.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 5. Д. 152.
19. РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 174.
20. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. – М., 1838.
21. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых Института Восточных языков. – СПб., 1839.
22. Торкунов А. В. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения // Полис. Политические исследования. – 2015. № 6.
23. Урушадзе А. Т. Развитие образовательной политики Российской империи и формирование «национальных кадров» на Кавказе (1845–1854 гг.) // Кавказский сборник. Т. 9 (41). – М., 2015.